

ЩЕДРОСТЬ ТАЛАНТА

ЕСЛИ проследить внимательно за всем творчеством Бориса Романовича Гмыря — в оперном ли жанре, или же в его концертной деятельности, то без труда можно разглядеть, услышать, ощутить огромную работу, которую выполняет артист даже над самым, казалось бы, легким материалом!

Я не осмеливаюсь отбирать у профессиональных знатоков певческого искусства, у наших музыковедов — «пальму первенства» и заниматься разбором сложного и многогранного искусства вокала. В одном я уверен, что кто бы ни стал говорить об исполнительском таланте Гмыря, все сойдется на том, что помимо его природных данных, превосходно разработанных как самим певцом, так и его педагогами, — мы видим у него удивительно образное решение исполняемых им произведений.

Гмыря ничего не поет ради пения: очаровательный тембр его голоса, точная интонация и прекрасная дикция позволяют слушателю ясно представить себе тот образ, который рождается у певца!

Непрременным условием, красной линией проходит у исполнителя-Гмыря та мысль, какую заложил в свое произведение автор. И Борис Романович, как талантливый и чут-

кий артист, не навязывает голую схему исполняемого им образа. Его герой (или же обобщенный образ в том или ином романсе, где певец, скажем, поет о природе), — имеет конкретную весомость, реальную основу, силу духа, я бы сказал, материальную видимость! Вспомните «Старого капрала»! С какой силой доносит артист до нас, слушателей, все переживания этого честного, мужественно принимающего смерть, старого солдата! Какими тонкими психологическими нюансами насыщает Гмыря этот образ, вырастающий у нас на глазах в монументальную фигуру, олицетворяющую героизм, человеческое достоинство и сознание долга!

К счастью многие исполнительские работы Бориса Романовича останутся в веках, и наши потомки смогут по достоинству оценить и полюбить тот блистательный вклад, какой оставил после себя замечательный певец Борис Романович Гмыря.

Мне посчастливилось быть в дружеских отношениях с этим интересным человеком. Мы часто встречались. На концертах, в частных домах, на прогулках. Гмыря любил прогуливаться в парках, на берегах Днепра, где, вероятно, мысленно повторял свои партии и романсы. Борис Романович не только щедро делился своим талантом, но умел слушать и воспринимать все то, что мог-

ло ему пригодиться, как исполнителю, как артисту. Это — тоже часть его таланта, ибо — увы!, чего греха таить: не всегда мы встречаем среди наших коллег людей, которые бы умели слушать и правильно воспринимать услышанное! В результате такого неряшливого отношения к своему собеседнику иные актеры не только оперного, но и драматического направления, становятся на дешевой путь пустопорожних крикунов или шептунов, за душой у которых нет и капли подлинного дарования!

Так вот, у Гмыря была особенность подробно, дотошно допытываться у собеседника, как он добился такого-то звучания в таком-то образе... Его очень интересовало, например, что послужило основой для моего Абрезкова в «Живом трупе» Л. Толстого, или же Рошина в «Хождении по мукам» — А. Толстого. Он внимательно прислушивался к рассказу, делая для себя какие-то заметки в уме, что давало ему пищу для создания будущего

образа. Его интересовало не только личное в искусстве, оно не замыкался в кругу эгоистических актерских интересов, не уходил «в себя», не любовался только своим исполнительством. Я знаю, что ему было необходимо широкое знакомство, автора данного произведения, но не только с узкой биографией персонажа, им исполняемого, автора данного произведения, но с его волновало все, что касалось окружения, что составляло существо среды как самого создателя, так и того образа, которым он жил в период создания новой партии или иного вокального произведения.

Его творчески волновали мельчайшие подробности жизни и деятельности его предшественников, крупнейших мастеров мирового оперного театра. И он умел кропотливо, скрупулезно отбирать из этой сокровищницы все то, что могло в той или иной степени обогатить его творчество, его мастерство. Эта трудоемкая работа крупного мастера ставила его в ряд подлинных после-

дователей настоящего искусства! Как мастер, Гмыря стоит на высоком пьедестале и по культуре, к которой стремился всю свою жизнь и жадно впитывал ее. Выступая в оперных спектаклях или же в концертах, он умел сочетать в себе и прекрасного вокалиста и актера с хорошим вкусом, всегда требовательного к себе и здраво оценивающего свою работу.

Как-то я обедал у Бориса Романовича. Естественно, наша беседа затрагивала волнующие нас темы, и в первую очередь речь шла об оперном театре, о его судьбах, перспективах. Беседа была продолжительной и затянулась на несколько часов. Вдруг Борис Романович спрашивает меня:

— Можно мне продемонстрировать вам одну мою запись? Это куплеты Мефистофеля, как вы знаете, это не длинно и недолго.

Я, конечно, согласился. Гмыря поставил пластинку с очень хорошей записью и мы внимательно прослушали ее. Когда пластинка кончилась, Борис Романович с улыбкой заметил:

— Так поет Гмыря. А сейчас я попрошу Вас прослушать, как бы я хотел петь эту вещь!

И поставил пластинку с записью тех же куплетов в исполнении Шалапина. Когда и эту пластинку мы прослушали, Гмыря сказал:

— Так бы хотел петь я. Затем он вынул сильно по-

битую пластинку все с теми же куплетами Мефистофеля и попросил меня очень внимательно прослушать третью трактовку куплетов. Пел на этот раз знаменитый итальянский певец. Когда мы дослушали и эту пластинку до конца, Борис Романович очень тихо и как-то деликатно произнес:

— А — это — вот, как надо петь!

И Борис Романович тут же стал мне объяснять, как трактовалось певцом исполнение этих куплетов и почему это исполнение воздействует особым образом!

Этот эпизод характеризует Гмыря не просто как артиста, интересующегося своей профессиональной спецификой. Это было бы вполне ясно. Мне кажется, что помимо чисто профессионального интереса, у Бориса Романовича преобладает здесь его внутренняя культура исполнителя, требовательность подлинного художника.

Собранность, скромность и природное достоинство — вот ценные качества настоящего артиста. Не размениваться на мелочи, не идти на поводу дешёвых вкусов нетребовательного потребителя, а глубоко и вдохновенно выполнять свою художественную миссию. — вот чему подчинялась вся творческая деятельность Бориса Романовича.

Ю. ДАВРОВ,
народный артист СССР.